

Оглавление

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	35
Глава пятая	45
Глава шестая	56
Глава седьмая	66
Глава восьмая	77
Глава девятая	87
Глава десятая	97
Глава одиннадцатая	106
Глава двенадцатая	117
Глава тринадцатая	126
Глава четырнадцатая	137
Глава пятнадцатая	148
Глава шестнадцатая	159
Глава семнадцатая	170
Глава восемнадцатая	181
Глава девятнадцатая	192
Глава двадцатая	203
Глава двадцать первая	213
Глава двадцать вторая	222
Глава двадцать третья	232
Глава двадцать четвертая	241

Глава первая

Мне хочется познакомить вас с человеком по имени Сянцзы, а по прозвищу Лото — Верблюд.

Итак, расскажу вам о Сянцзы, а заодно объясню, почему его прозвали Верблюдом.

Каких только рикш не встретишь в Бэйпине¹.

Лучшие из них, молодые и быстроногие, норовят взять напрокат коляску покрасивее, и обязательно на целый день. Но работают как им вздумается. На стоянках, а то и у подъезда, часами дожидаются пассажира, которому непременно нужен хороший бегун. Подвернется такой — сразу отвалит пару юаней. Но бывает, что рикша зря прождет до самого вечера, а потом не знает, как расплатиться с хозяином за коляску. Однако неудачи его не тревожат. Он мечтает устроиться на постоянное место, а главное — обзавестись собственной коляской. Тогда можно работать и по месячному договору, и возить случайных пассажиров — как душа пожелает. Была бы только коляска!

У рикши постарше иные повадки. Здоровье не позволяет ему бегать так же проворно, как прежде, кроме того, он обременен семьей и не может рисковать целым

¹ Бэйпин — старое название Пекина. — *Здесь и далее примеч. пер.*

днем работы в надежде на одного выгодного клиента. Одевается он довольно прилично, коляска у него почти новая, поэтому он и цену запрашивает, и даже торгуется с известным достоинством. Он возит пассажиров иногда с утра, иногда со второй половины дня, и тогда задерживается до глубокой ночи. Чтобы работать вечером или ночью, да еще в непогоду, нужны сноровка и осторожность, зато и заработок больше.

Совсем молоденьким рикшам, до двадцати, либо старикам, которым далеко за сорок, не так-то легко войти в одну из этих двух категорий. У них ветхие, ободранные коляски, с наступлением темноты они не рискуют появляться на улицах и выезжают ранним утром в надежде до обеда заработать на плату за коляску и на еду. Быстро бегать они не могут, поэтому работать приходится больше, а запрашивать меньше. Они возят овощи, фрукты, арбузы, дыни и всякую всячину. Платят за это немного, зато не требуют скорости.

Рикши-юнцы обычно впрягаются в коляску лет с одиннадцати и лишь в редких случаях становятся первоклассными бегунами — еще в детстве они надрываются. Многие из них так и остаются рикшами на всю жизнь, и даже среди себе подобных им не удастся выдвинуться.

Те, кому перевалило за сорок, зачастую работают с юных лет. Измученные непосильным трудом, они довольствуются последним местом среди собратьев и мало-помалу свыкаются с мыслью, что рано или поздно придется умереть прямо на мостовой. Зато они так искусно возят коляску, так умело договариваются о цене, так хорошо знают маршруты, что невольно вспоминается их былая слава, да и сами они, помня о ней, смотрят на рикш-новичков свысока. Но страх перед будущим силь-

нее воспоминаний, и частенько, вытирая пот, они горько вздыхают, думая о том, что их ждет.

И все же их жизнь не так горька, как жизнь тех, кого лишь призрак голодной смерти заставил впрячься в коляску. Среди них можно встретить бывших полицейских и учителей, разорившихся мелких торговцев и безработных мастеровых. Доведенные до отчаяния, с болью в сердце вступили они на эту дорогу — дорогу смерти. Жизнь доконала их, и теперь они влачат жалкое существование, поливая своим потом мостовые. У них нет ни сил, ни опыта, ни друзей — даже рикши их презирают. Этим беднягам всегда достаются самые потрепанные коляски. Они то и дело подкачивают камеры, а когда везут пассажира — заранее молят о снисхождении. Больше пятнадцати медяков в день они заработать не в состоянии.

Есть еще одна, особая категория рикш, они отличаются пристрастием к постоянным маршрутам. Тем, кто живет в Сиюане или в Хайдяне, удобно возить пассажиров в Сишань, в университеты Яньцзин, Цинхуа; тем, кто живет за воротами Аньдинмэнь, в Цинхэ и Бэйюань; тем, кто за воротами Юньдинмэнь, — в Наньюань... Эти рикши предпочитают дальние расстояния. Они сулят хорошую выручку, зачем же, словно нищим, гоняться за несколькими медяками?!

Самая высокая категория — это рикши посольского квартала, которые возят иностранцев. Они знают кратчайший путь от любого посольства до Юйцюаньшаня, Ихэюаня или Сишаня¹ и домчат одним духом. Но глав-

¹ Юйцюаньшань, Ихэюань, Сишань — живописные окрестности Пекина.

ное — они умеют говорить по-иностранному, что недоступно простому смертному. Во всяком случае, понимают, когда английские или французские офицеры приказывают отвезти их в Ваньшоушань¹, Юнхэгун² или Бадахутун³. У них свой жаргон, непонятный другим, и бегают они тоже по-своему, важно, с независимым видом, по самому краю дороги, не глядя по сторонам. Им обязательно носить установленную для рикш форму. На них, как правило, белые курточки с длинными рукавами, белые или черные свободные штаны, подхваченные тесемками у щиколоток, удобные прочные тапки из синей материи. Эти рикши чистоплотны, аккуратны, подтянуты. Никто не осмеливается перехватывать у них пассажиров или состязаться с ними в беге. Они просто недосыгаемы для других рикш.

Теперь, после этого краткого вступления, можно определить место Сянцзы среди рикш, пожалуй, так же точно, как место винтика в сложном механизме.

До того как Сянцзы получил прозвище Лото, он ни от кого не зависел. Иными словами, был молод, силен и имел собственную коляску. А собственная коляска — это собственная судьба — все в твоих руках! Он стал первоклассным рикшей, что совсем непросто. День за днем, целых четыре года, — сколько пота было пролито, пока он заработал на коляску! Недоедал, трудился и в дождь и в холод, терпел любые лишения. Коляска стала награ-

¹ В а н ь ш о у ш а н ь — одно из живописнейших мест в окрестностях Пекина.

² Ю н х э г у н — знаменитый буддийский храм в северо-восточной части Пекина.

³ Б а д а х у т у н — квартал в Пекине, где в старое время находились публичные дома.

дой за все мучения и невзгоды, словно боевой орденом за отвагу. А до этого Сянцзы с утра до вечера сновал по городу с коляской, взятой напрокат, мечтая о собственной, которая сделает его свободным, независимым. Своя коляска — это как свои руки и ноги!

Он мечтал о том времени, когда не придется больше терпеть обиды от хозяев прокатных контор, кланяться им. Есть силы и коляска — кров и еда обеспечены!

Он не боялся трудностей, не имел свойственных многим пикшам дурных наклонностей — он их не осуждал, но и не подражал им! У него хватило усердия и разума, чтобы добиться своего. Сложись его жизнь удачнее или получи он хоть какое-нибудь образование, Сянцзы не стал бы рикшей. В любом деле он сумел бы себя показать. Но ему не повезло! Однако, став рикшей, он все же проявил свой ум и способности. Пожалуй, такой человек и в аду не пропал бы.

Сянцзы родился и вырос в деревне. Потеряв родителей, он бросил клочок скудной земли и восемнадцати лет ушел в город. Сильный и неприхотливый деревенский парень, за какую только работу он не брался, добывая деньги на пропитание. Но вскоре понял, что деньги проще всего достаются рикшам. У рикши есть хоть какая-то надежда. Кто знает, где и когда на него вдруг свалится вознаграждение! Сянцзы хорошо понимал, что успех просто так не придет. И сам он и коляска должны выглядеть прилично: солидному покупателю нужен хороший товар.

Поразмыслив, Сянцзы решил, что у него есть все для достижения цели. Он молод, силен, только неопытен и не может пока взять напрокат красивую коляску. Но дней через десять — пятнадцать возьмет, как только научится бегать. А подвернется постоянная работа, он за год-два,

ну пусть за три-четыре, отказывая себе во всем, непременно скопит денег на собственную коляску. Самую лучшую, самую красивую! Это не пустая мечта. Тут нужно время. И он своего добьется!

Ему было немногим более двадцати. Крепкий и мускулистый, высокий, широкоплечий. Совсем взрослый мужчина, он сохранял юношескую наивность и непосредственность. Увидит первоклассного рикшу и тут же выпятит свою железную грудь. Покосится на свои плечи и думает — до чего могучие и широкие! А если еще надеть белые штаны да подвязать их узкой ленточкой у шиколоток — всем будут видны его крепкие ноги. В общем, рикша хоть куда! При этой мысли Сянцзы заливался радостным смехом...

Внешность у него была самая заурядная, но располагающая. Голова не большая и не маленькая, всегда выбритая до блеска, мясистый нос, круглые глаза под густыми бровями, короткая толстая шея багрового цвета, у правого уха глубокий шрам — в детстве Сянцзы как-то уснул под деревом, и его укусил осел.

Красавцем он себя не считал, но любил свое лицо, как и свое пышущее здоровьем тело. И очень гордился своей силой. Когда Сянцзы только приехал в город, он мог подолгу стоять на руках, такие они у него были сильные! Ему иногда казалось, что он прямой и крепкий как дерево. Он и в самом деле чем-то походил на дерево, могучее, молчаливое.

Он ни с кем не делился своими надеждами и мечтами. Обычно рикши изливают друг другу душу на стоянках в чайных, труппах, жалуются на обиды, невзгоды, и потом эти истории, словно песни, передаются из уст в уста. Красноречие — своего рода талант. Сянцзы вырос

в деревне и таким талантом не обладал. Да и не стремился научиться говорить красиво, как горожане. Свои переживания он таил в душе, был молчалив, зато любил поразмышлять, благо времени у него на это хватало. Казалось, он всегда погружен в свои мысли. «Главное, — думал он, — принять решение, а уж сердце подскажет, что делать дальше». Даже в минуты отчаяния он, стиснув зубы, искал силы только в самом себе.

Итак, Сянцзы добился своего — стал рикшей. Взял напрокат старую коляску и прежде всего принялся тренировать ноги. В первый день он ничего не заработал, на второй кое-что выручил, но после этого слег: ноги распухли и стали как тыквы. Лишь на третий день Сянцзы смог подняться, несмотря на мучительную боль. Он терпел, зная, что это неизбежно, что таков удел всех начинающих рикш. Иначе не научишься легко и свободно бегать.

Когда боль прошла, Сянцзы испытал необычайную радость. Теперь его ничто не страшило! Он запомнил расположение улиц, а если иной раз и приходилось поколесить, беда не велика — сил хватало. Чем только он не занимался в жизни — возил, грузил, таскал. Поэтому работа рикши не казалась ему такой уж тяжелой. Главное — соблюдать осторожность и не лезть на рожон, чтобы не было неприятностей. Он еще не умел, как его опытные собратья, торговаться и перехватывать пассажиров прямо из-под носа у других. Поэтому держался подальше от стоянок и бойких мест. Цену не всегда запрашивал, а частенько просто говорил: «Садитесь, дадите сколько можете».

Добродушный с виду, с простым и открытым лицом, он внушал доверие и никто даже мысли не допускал, что

этот простоватый верзила может оказаться вымогателем. В одном лишь, бывало, сомневались пассажиры: сможет ли неопытный деревенский парень проехать по городу. Но в ответ на вопрос, знает ли он дорогу, Сянцзы глуповато и вместе с тем загадочно улыбался, сбивая с толку.

Прошло две-три недели, и Сянцзы ощутил в ногах легкость, он почти скользил и знал, что бегают красиво. Новички, едва приехавшие из деревни, отбрасывают ноги к стороны, старики, которым перевалило за пятьдесят, волочат ноги по земле. Они лишь делают вид, что бегут, а на самом деле еле тащатся. Рикши опытные, но уже измотанные тяжелым трудом, бегают, подавшись всем телом вперед и ссутулившись, высоко поднимают колени и на каждом шагу скидывают голову с таким видом, будто несутся во всю прыть.

Сянцзы, разумеется, не прибежал к таким уловкам. Ноги у него были длинные, шаг широкий, спина сильная, бежал он бесшумно, плавно. Он не дергал коляску, и пассажир чувствовал себя спокойно и уверенно. Он мог остановиться в любой миг, как бы быстро ни бежал, и в этом случае делал несколько шагов на месте. Его сила, казалось, подчиняла себе коляску. Чуть подавшись вперед, он держал ручки свободно, был проворен, ловок и точен в движениях. Бежал осторожно и не уставал. Даже среди рикш, имеющих постоянную работу, такие встречаются не часто. И пассажиры ценили Сянцзы.

Наконец Сянцзы взял напрокат новую коляску с упругими рессорами, медной отделкой и прорезиненным тентом от дождя, с двумя фонарями и медным рожком. Таковую коляску, он узнал, можно купить за сотню с небольшим юаней, а если чуть похуже, то и за сто. В общем, все дело в деньгах. И тут он подумал: если откла-

дывать в день по одному цзяо, за тысячу дней наберется сто юаней. Тысяча дней. Как долго! И все же он принял решение. Пусть тысяча дней, пусть десять тысяч — он купит коляску! Но для этого надо прежде всего найти постоянную работу.

Хозяин должен быть человеком влиятельным, чтобы к нему ходило много гостей, а дважды в неделю он устраивал бы банкеты, и Сянцзы, глядишь, перепадет юань-другой чаевых, да еще юань из месячного заработка, вот и наберется три — пять юаней в месяц, а за год — пятьдесят — шестьдесят. Это уже не мечта, а реальность. Он не обременен семьей, не курит, не пьет, не играет в азартные игры, у него нет никаких пороков. Он может всего добиться, только не надо бояться трудностей.

Сянцзы дал себе клятву, что через полтора года у него будет своя коляска! Новая, непременно новая!

Он нанялся на помесечную работу, отказывал себе буквально во всем, но прошло полтора года, а мечта его так и не сбылась. Жизнь не всегда идет нам навстречу. Сянцзы исправно выполнял свои обязанности, был предупредителен, услужлив, однако это не мешало хозяевам его увольнять. Редко удавалось продержаться на одном месте месяц-другой. И пока Сянцзы искал новую работу, он возил кого придется; недаром говорят: «Не бросай коня, пока не найдешь другого». Сянцзы не хотел терять время.

За эти полтора года Сянцзы совершил немало промахов. Он трудился изо всех сил, чтобы прокормиться и пополнить свои сбережения. Но всему надо знать меру. Бегая с коляской, он постоянно думал о своем будущем, мысли его путались, и страх не давал покоя. А что, если этому не будет конца? Когда же он купит коляску? От-

чего ему так не везет? Разве он не старается все делать как можно лучше? И Сянцзы забывал об осторожности. Как-то раз наехал на что-то острое; лопнула шина, пришлось прекратить работу. Случалось и похуже: налетал на пешеходов. А однажды, протискиваясь вперед, даже потерял колпак от втулки колеса и должен был возместить убыток хозяину. Что и говорить! Работать на одном месте было бы куда спокойнее! Но с постоянным местом дело не ладилось, и в душу Сянцзы закралась тревога, которая росла с каждым днем. В страхе перед новыми неприятностями он спал допоздна, а потом досадовал, что день прошел даром. Его грызло раскаяние, он ненавидел себя и от этого страдал еще сильнее. Даже забывал о еде.

Уверенный, что здоровье у него железное, Сянцзы вдруг заболел, но на лекарства тратить не хотелось, и он решил, что и так поправится. Но ему становилось все хуже и пришлось раскошелиться, да еще потерять несколько дней.

Сянцзы стал еще усердней, еще терпеливей, только от этого сбережения нисколько не увеличились.

Прошло целых три года, пока он собрал сто юаней. Ждать больше нечего, надо покупать коляску. Конечно, не такую, о которой он мечтал — самую лучшую, самую красивую, совсем новую. Ведь у него было всего сто юаней! Но медлить с покупкой опасно. Мало ли что случится, и снова придется потратить часть денег. К счастью, подвернулась коляска, сделанная на заказ и не выкупленная в срок. Она мало чем отличалась от той, о которой мечтал Сянцзы. Такая коляска, конечно, стоила больше ста юаней, но задаток хозяин не обязан был возвращать и согласился немного уступить.

При виде коляски Сянцзы весь покраснел, руки у него задрожали.

— Беру! — сказал он и отсчитал девяносто шесть юаней.

Но хозяин решил выжать кругленькую сумму и принялся на все лады расхваливать свой товар. Он то вывозил коляску, то завозил обратно, то поднимал, то опускал, нажимал на рожок, и все это сопровождал потоками красноречия. Наконец, стукнув ногой по спицам, сказал:

— Ты только послушай, как звенят! Ну, прямо колокольчики! Бери! Ни одна спица не ослабнет, хоть разбей коляску. А если выскочит, придешь и швырнешь ее мне в лицо! Сто юаней, и ни цзяо меньше!

Сянцзы снова пересчитал деньги:

— Девяносто шесть! — Он стоял на своем.

Хозяин понял, что больше не выжмешь. Поглядел на деньги, затем на Сянцзы, вздохнул.

— Ладно, по рукам, коляска — твоя! Гарантия на шесть месяцев. Починка — бесплатно, если, конечно, ты ее не разобьешь вдребезги! Вот квитанция, держи!

Руки у Сянцзы задрожали еще сильнее. Он спрятал квитанцию, подтянул к себе коляску и чуть не расплакался от счастья. Заехав в укромное место, внимательно осмотрел покупку и полюбовался на свое отражение в блестящем кузове.

Коляска нравилась ему все больше и больше. Конечно, не совсем о такой он мечтал, но ведь это его собственность, а остальное не важно. Он еще раз оглядел коляску, решил, что теперь можно передохнуть, и уселся на подножку, рассматривая блестящий медный рожок.

Вдруг он вспомнил, что в этом году ему должно исполниться двадцать два года. Когда именно, он не знал —

родители давно умерли, а сам он ни разу не отмечал этой даты. Пусть же счастливый нынешний день станет днем рождения и его и коляски. Ведь коляска заработана его потом и кровью, они — одно целое.

Как же отпраздновать этот двойной день рождения? Сянцзы решил: первым пассажиром непременно должен быть элегантно одетый мужчина. Хорошо бы довезти его до Цяньмэня или до рынка «Восточное спокойствие». А там в самой лучшей закуской поест горячих жареных пирожков с бараниной. Потом отвезти еще одного-двух пассажиров. Не попадутся — тоже не беда: можно закончить работу пораньше. Ведь сегодня — день его рождения!

С тех пор как у Сянцзы появилась собственная коляска, жизнь ему улыбалась. Имел он постоянную работу или возил случайных пассажиров, все равно не надо было платить хозяину за прокат. Сколько ни заработает — все его. А зарабатывал он теперь гораздо больше. Сянцзы успокоился, стал приветливей, веселей.

Прошло полгода, и Сянцзы снова начал мечтать: если дела и дальше пойдут так же успешно, через год, самое большее через два он сможет купить еще одну коляску, потом еще одну и, может быть, откроет собственную контору по прокату!

Но мечты редко сбываются.

Глава вторая

Радость от покупки коляски придала Сянцзы уверенность. Он стал бегать еще быстрее. Собственную коляску, конечно, надо особенно беречь, но не пристало такому рикше, как он, еле тащиться.

В городе Сянцзы заметно вырос, однако надеялся, что еще подрастет. Он стал крепче, над верхней губой пробилась усика. Ему доставляло огромное удовольствие, когда он пригибался, чтобы пройти в дверь, но хотелось быть еще выше. Он походил на большого ребенка и часто выглядел очень забавно. Рослый и сильный, он катил красивую коляску, свою собственную. Рессоры мягко пружинили, ручки слегка подрагивали, кузов сверкал, сиденье сияло белизной, рожок заливался. Нет, быстрый бег — не пустое тщеславие, это дело чести. Только в быстром, стремительном беге можно показать свою силу и все достоинства коляски. А коляска и в самом деле хороша! За полгода она научилась понимать своего хозяина: откликается на каждое движение и охотно ему помогает.

Между Сянцзы и коляской было полное согласие. Когда он бежал по ровным немногочисленным улицам, то держался только за одну ручку, колеса сами катились позади, с легким шумом, подгоняя его, словно попутный ветер. Сянцзы бежал быстро и в то же время плавно. Когда он довозил пассажира до места, одежда его прилипала к спине, и весь он бывал такой мокрый, будто его только что вытащили из воды. Конечно, он уставал, но испытывал гордость и счастье, словно наездник, проскакавший несколько десятков ли на прославленном коне.

Иногда смелость граничит с неосторожностью, но Сянцзы был осмотрителен. Бежать надо быстро, чтобы не позориться перед пассажиром, но не мчаться сломя голову, рискуя разбить коляску. Коляска — вся его жизнь. Осторожность в сочетании со смелостью придавала Сянцзы уверенность: ни с ним, ни с коляской ничего не случится.

Эта уверенность проявлялась не только в беге: теперь он не очень спешил выходить на работу. Знал, что коляска прокормит, и выходил когда вздумается. Профессия рикши — самая надежная в Поднебесной! Его не волновали слухи о том, что в Сиюань снова пришли солдаты, что в Чансиндяне идут бои, что за воротами Сичжимэнь хватают людей и заставляют работать на армию, что ворота Цихуамэнь закрыты. Вот если бы закрылись лавки, а улицы наводнили полицейские и охранники, Сянцзы не стал бы рисковать, а поторопился, как другие рикши, закончить работу. Но слухам он не верил и не поддавался панике, как настоящий деревенский парень, не то что горожане — они могут из мухи сделать слона. Зато он верил в себя. Если даже с ним что-нибудь и приключится, он все равно вывернется и не даст себя в обиду. Попробуй тронь детину с такими широченными плечами!

Слухи о войне приходят обычно, когда начинают подниматься весенние всходы. Колосья пшеницы для северян — символ надежды, штык — символ страха.

С тех пор как Сянцзы купил коляску, прошло полгода. Весенним всходам нужен был дождь, но дождя не было. Война никому не нужна, но слухи о ней поползли. Да и только ли слухи? Сянцзы словно забыл, что когда-то сам был землепашцем; его мало беспокоил ущерб, который принесет война полям, не очень заботили весенние дожди. Он пекся лишь о своей коляске — она давала ему горячие лепешки, кормила его. Коляска все равно что клочок земли, послушной, живой, драгоценной. Дождей давно не было, слухи о войне множились, но Сянцзы не принимал этого близко к сердцу. Он роптал лишь, что цены на продовольствие подскочили, — но тут ничего не поделаешь. Ничто не интересовало Сянцзы, только его